

B.D. Joseph, R.D. Janda (eds.) The handbook of historical linguistics. Oxford Blackwell Publishers, 2003 xxviii + 882 p

'Руководство по исторической лингвистике' – коллективный труд, значительный не только по объему, но и прежде всего по широте охвата материала и теоретической глубине его интерпретации – вышло в серии аналогичных сборников издательства Blackwell Publishers. Ранее в этой серии выходили руководства по фонетике, фонологической теории, морфологии, синтаксической теории, семантической теории, дискурсивному анализу, детской речи, усвоению второго языка и др. направлениям современных исследований. Издания данного рода не являются учебниками, тем более учебниками для начинающих – как правило, их чтение требует не толь-

ко базовой лингвистической подготовки, но и общего представления о современных научных теориях. Написаны они ведущими западными специалистами в соответствующих областях и представляют панораму существующих подходов к исследованию ключевых проблем того или иного направления в науке о языке.

Сборник о котором идет речь, включает Введение и 25 разделов, сгруппированных в шесть частей (в среднем по четыре раздела в каждой части). Общая композиция книги такова: сначала дается характеристика методов сравнительно-исторического исследования, затем рассматриваются конкретные типы

языковых изменений в различных областях грамматики (т.е. соответственно, фонетические, морфологические, синтаксические и семантические) и, наконец, в заключительной части анализируются причины языковых изменений. Существенно, при этом, что в каждой части представлено несколько альтернативных точек зрения на ту или иную проблему: слово представляется как сторонникам "формального" подхода к описанию языка, так и "функционалистам" (причем и в рамках каждого из этих основных направлений имеются разные мнения по поводу интерпретации некоторых явлений). Помимо традиционных для сравнительно-исторического языковедения подходов в сборнике освещаются и некоторые области исследований, получившие бурное развитие в последние десятилетия – например, довольно подробно обсуждается роль процессов грамматикализации в истории языка, а также приводятся примеры анализа вариативности языковых структур при помощи статистических методик (variationism).

Авторами разделов являются 26 ученых, большинство из которых хорошо известно и у нас в стране; главным образом это исследователи, работающие в университетах США (помимо них представлены лингвисты из Великобритании, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Германии и Австрии). Многие из них являются не только (или даже не столько) специалистами по исторической лингвистике, но и ведущими представителями различных современных лингвистических школ. Такой подбор авторов позволил обеспечить как широкую панораму мнений по теоретическим вопросам, так и значительное разнообразие иллюстративного языкового материала – к обсуждению привлекаются отнюдь не только данные индоевропейских языков, но и множества других семей (в т.ч. австронезийской, картвельской, нахско-дагестанской, алгонкинской, эскимосско-алеутской, банту и др.). Обратимся теперь к содержанию разделов сборника.

Первая часть представляет собой обширное (180 стр.) введение редакторов Р. Янды и Б. Джозефа "О языке, изменениях и языковых изменениях – или, об истории, лингвистике и исторической лингвистике". Стиль изложения этой части значительно отличается от стиля всех последующих частей (чего стоят один только многочисленные эпиграфы ко всем разделам и примечания на 50 страниц). При том, что авторы демонстрируют редкую эрудицию не только в области исторической лингвистики, но и в философии, истории, литературе и естественных науках (особенно ге-

ологии и биологии). Эта часть, пожалуй, излишне перегружена подробностями и цитатами и представляется затянутой. Среди тем, обсуждаемых авторами – изначальная неполнота исторических данных в лингвистике, статус метафоры "живого организма" применительно к языку, принцип единообразия протекания исторических процессов, или так называемый "принцип униформности (uniformitarianism)", проблема континуального (непрерывного) vs. дисконтинуального распространения языковых изменений, соотношение периодов стабильности и "катастрофических изменений" в истории языка и пр. Представлена в общих чертах проблематика дальнейших разделов, а также указано, какие темы остались за пределами сборника: это, например, происхождение языка, диахроническая прагматика, просодическая реконструкция, глоттохронология, лингвистическая палеонтология. Некоторые из этих областей слишком обширны и являются по сути междисциплинарными (как происхождение языка или реконструкция протокультуры), другие еще ждут теоретического обобщения имеющихся конкретно-языковых результатов (как акцентная реконструкция), а некоторые – здесь имеется в виду глоттохронология – не могут считаться подлинно научными по своим методологическим основаниям¹.

Вторая часть – "Методы изучения языковых изменений" – открывается статьей Р. Ранклина "Сравнительно-исторический метод". Методика сравнительно-исторических исследований является, по мнению автора, наиболее устойчивой и успешной в языковедении; принципы компаративистики выдержали проверку временем и критические нападки, оставшись по сути своей неизменными. Если праиндоевропейская реконструкция является "памятником одному из лучших интеллектуальных достижений XIX века", то в XX веке было показано, что сравнительно-ис-

¹ Последнее утверждение отражает скорее субъективную оценку авторов. Дискуссия относительно глоттохронологии вряд ли может считаться завершенной, о чем говорит хотя бы тот факт, что значительная часть недавнего сборника [Renfrew et al. 2000] посвящена именно обсуждению различных точек зрения по поводу данного метода. Этот сборник включает, в том числе, и перевод статьи [Старостин 1989], в которой предлагается новая версия лексикостатистической процедуры, позволяющая устанавливать время языковой дивергенции более адекватно, чем традиционная формула М. Сводеша.

торический метод может быть в равной степени применен и к бесписьменным языкам в самых разных уголках мира. Действенность сравнительно-исторического метода обеспечивается прежде всего такими характеристиками языка, как произвольность соотношения между значением и фонетической формой (что позволяет звуковым изменениям происходить по своим собственным законам) и регулярность звуковых изменений (что позволяет восстанавливать исходные состояния на базе наблюдаемых). Ранглин подробно разбирает последовательность процедуры реконструкции на разных уровнях (реконструкцию словаря и фонологическую, морфологическую и синтаксическую реконструкцию), а также основные проблемы этой процедуры; в качестве иллюстрации главным образом приводятся примеры из языков семьи сиу в Северной Америке.

"Проблемным вопросом" посвящена специальная статья "Ограниченность сравнительно-исторического метода" Ш.П. Харрисона, специалиста по микронезийским языкам. Задачей сравнительно-исторического метода является установление генетического родства между языками – это означает, что необходимо обнаружить сходства между ними и показать, что наиболее правдоподобным объяснением таких сходств является именно происхождение от общего предка (а не независимое развитие, заимствование и т.п.). Отсюда следует, что сравнительно-исторический метод имеет дело главным образом с наиболее произвольными и конвенциональными языковыми знаками, т.е. индивидуальными лексическими единицами. Родство грамматических объектов (например, парадигм или синтаксических конструкций) не может быть определено при помощи сравнительно-исторического метода – их реконструкция возможна, но лишь после того, как отношения родства установлены и при помощи других методов (например, "развертывания" путей грамматикализации в обратном порядке на основе знаний о типологии диахронических изменений). Однако применение сравнительно-исторического метода оказывается ограниченным и на лексическом материале по крайней мере в двух случаях: а) при большой временной глубине (можно считать, что метод уже неприменим на глубине более 8–10 тыс. лет²); б) в ситуации "смешения" языков в особых социолингвистических условиях (на-

пример, при наличии традиции браков между разными языковыми сообществами). Рассматриваются также аргументы по группировке языков при построении традиционной "древесной" модели дивергенции: при том, что предположения о группировке необходимы для реалистической реконструкции, убедительно доказать предпочтительность одного варианта "дерева" по сравнению с другим практически невозможно. Это не значит, что любые такие попытки бесплодны: просто всегда необходимо помнить, что именно является возможным в рамках метода, а что нет.

Один из вспомогательных методов в исторической лингвистике рассматривается в статье Д. Ринджа "Внутренняя реконструкция". Как подчеркивает автор, этот тип реконструкции менее надежен, чем классический сравнительно-исторический метод, и часто основывается на непроверяемых допущениях, для оценки которых решающими могут быть только внешние данные. Приводятся несколько примеров внутренней реконструкции (в основном на материале европейских языков) – например, чередований, возникающих в результате нейтрализации фонем в определенных контекстах (типа конечного оглушения согласных), и чередований, возникающих в результате "расщепления алломорфов", и пр.

В статье Л. Кемпбелла "Как показать, что языки родственны: методы установления дальнего генетического родства" речь идет прежде всего о том, какие ошибки обычно допускаются при реконструкции разного рода гипотетических "макросемей". Желательно основываться на лексических сопоставлениях, причем прежде всего в области базисного словаря; однако и в нем могут обнаружиться заимствования, а при большой временной глубине число лексических замен может оказаться столь велико, что родство обнаружить не удастся. Звуковые соответствия имеют принципиальную важность, хотя бывает трудно отличить соответствия, возникшие благодаря общему происхождению, от соответствий, возникших благодаря заимствованиям; кроме того, не так редки и случайные совпадения. Грамматические соответствия надежны лишь в том случае, если они основаны на общих исключениях или "неправильностях" (типа супплетивизма). Подчеркивается также необходимость строгой эквивалентности значений когнатов, важность мотивированной морфологической сегментации при сравнении, невозможность опираться на звукоподражания, звукосемантическую и "детскую" лексику, недопустимость использова-

² Эта точка зрения может быть оспорена, что и делается, например, в работе [Старостин 1999].

ния внеязыковых свидетельств в качестве основного аргумента и т.п. Нарушение ряда методологических требований иллюстрируется на примере америндской реконструкции Дж. Гринберга, вострагической реконструкции В.М. Иллича-Свитыча и др.

Раздел Дж. Николс "Разнообразие и стабильность в языке" представляет собой введение в теорию генетической стабильности, разрабатываемую автором. Передача языковых элементов в нормальном случае осуществляется через их наследование (*inheritance*) языками-потомками от языка-предка. Помимо этого, существует три способа приобретения (*acquisition*) языковых явлений: в результате заимствования, субстратного влияния или так называемой "селекции" (процесса, благодаря которому предпочтение отдается наиболее универсальным, немаркированным и взаимогармоничным явлениям). Теория стабильности определяет склонность различных языковых элементов к наследованию, "приобретению" того или иного рода либо к утрате; при этом каждый из четырех типов передачи измеряется в вероятностных терминах (высокая/низкая либо высокая/средняя/низкая вероятность). Основная часть статьи посвящена анализу нескольких языковых явлений в терминах указанных типов. Характеристика дается на примере самых разных семей и макросемей, в том числе в значительной степени на материале языков Кавказа; рассматриваются такие явления, как базисный словарь, личные местоимения, эргативность, фонетическая система и структура слога, числовые классификаторы, категория рода, противопоставление по инклюзивности, порядок слов. Генетически стабильными являются элементы с высокой вероятностью наследования и низкой вероятностью приобретения; такие элементы сохраняются в семье наиболее долго (ср. личные местоимения). Наиболее "жизнестойкими" являются элементы с высокой вероятностью как наследования, так и приобретения (например, порядок слов SOV). Существуют и "рецессивные" явления, у которых низка и вероятность наследования, и вероятность заимствования (например, эргативность); такие явления становятся со временем менее и менее частотными в семье или ареале.

Третья часть "Фонологические изменения" открывается статьей П. Кипарского "Фонологическая основа звуковых изменений", написанной с позиции теории "лексической фонологии", разрабатываемой автором. Ключевую роль в этой концепции играет признаковое представление фонемного состава слов, в том числе принцип

"минимальной спецификации", т.е. отсутствие указания на "избыточные" признаки в случае их выводимости из более общих правил (например, признак 'звонкость' будет иметь у /b/ значение "+", а у /p/ или /t/ специфицирован не будет). Основная идея заключается в том, что звуковые изменения действуют не "слепо", но являются структурно-зависимыми: изменение есть определенный селективный процесс, в ходе которого говорящий из возможных вариантов инноваций отбирает те, которые согласуются с конкретно-языковой фонологической системой. Фонологизации подвергаются те "избыточные" признаки, для которых в фонологическом представлении данного языка есть свой "узел" (например, выпадение согласной приводит к компенсаторному удлинению гласной лишь в случае существования контраста по долготе в языке и т.п.). П. Кипарский рассматривает с позиций данной теории несколько типов изменений, в том числе ситуацию "лексической диффузии" (постепенный охват изменением все большего числа лексем), ассимиляцию, передвижение гласных и пр., приходя к выводу о том, что всем этим случаям его модель дает адекватное объяснение.

Своеобразный критический отзыв на статью П. Кипарского (впервые опубликованную в 1995 г. в другом издании) представляет собой раздел М. Хейла "Регулярные звуковые изменения". Автор ставит своей задачей выяснить статус регулярных фонетически обусловленных изменений в понимании младограмматиков с позиции современной (генеративной) теории Универсальной грамматики. Изменение понимается как множество различий между грамматикой G1, порождающей "исходные языковые данные", и грамматикой G2, приобретаемой ребенком в процессе усвоения языка на основе этих данных (любое изменение, тем самым, по определению одноомно, "градуальным" может быть лишь его распространение под влиянием социолингвистических факторов). М. Хейл критикует идею о процессе "оптимизации" или "упрощения" грамматики как причине изменения: так, в основе оглушения конечных согласных лежат экстралингвистические причины (относительно большая трудность артикуляции и меньшая перцептивная значимость), и данное изменение может произойти лишь в случае, если количество "неправильно распознанных" конечных звонких превысит количество "правильно распознанных" (независимо от какой-либо "оптимизации"). Не существует и "структурной зависимости", которая определяет возможные и невозможные изменения: языковая система складывается

как результат многих, в том числе одновременных изменений, так что практически нельзя доказать, что некоторое конкретное изменение при любой комбинации прочих изменений приведет к "невозможной" системе (можно, однако, утверждать, что те или иные ошибки в анализе исходных фонетических данных ребенком невозможны или маловероятны). Вывод Хейла заключается в том, что следует говорить о "диахроническом фильтре", сужающем множество теоретически возможных грамматик: прежде всего речь идет о том, что некоторые ошибки перцептивной системы человека статистически более вероятны, чем другие. При этом поиск тех межъязыковых ограничений, которые объяснимы действием "диахронического фильтра", чрезвычайно важен для всей процедуры установления параметров Универсальной грамматики.

Г. Гай в статье "Фонологические изменения с точки зрения вариативности" отстаивает тезис о том, что "не существует изменений без синхронной вариативности" (та же идея обсуждается и в ряде других статей сборника). Это не означает, что любая вариативность непременно ведет к изменениям; вариативность является здесь скорее необходимым, но не достаточным условием. Вариативность может быть формализована в виде статистических математических моделей: например, учитывая, что у каждого говорящего имеется множество артикуляторных вариантов реализации некоторой фонемы, на уровне языка в целом можно говорить, что "фонема *x* реализуется как вариант *y* с такой-то вероятностью". Изменение же можно считать завершившимся, если вероятность определенного варианта достигает 1, тогда как у других вариантов снижается до 0. Сам результат изменения можно представить себе не только как "качественный скачок", но и как количественный рост в рамках континуума: и действительно, известны многочисленные случаи "промежуточного" положения фонем в системе (например, их противопоставление лишь у части носителей языка и/или лишь в некоторых контекстах). Важную роль в установлении параметров вариативности играют социальные факторы: возраст, пол, социально-экономический класс говорящего. Так, известно, что пик инноваций приходится на молодое поколение (когда ослабляется языковое влияние со стороны родителей), а также на "средний" социальный класс (или, по крайней мере, не на "высший", который имеет тенденцию быть максимально консервативным в языковом отношении). С позиции вариативности обсуждаются и другие проблемы фонетической теории: например, абсолютно регу-

лярные vs. лексически обусловленные изменения, структурные vs. функциональные ограничения на изменения, гипотезы "однонаправленности" и "постоянной скорости" изменений. В заключение автор подчеркивает, что необходима интеграция синхронной и диахронической перспектив: тезис о том, что "говорящему недоступны сведения об исторических процессах" попросту неверен, т.к. эти процессы находят отражение в синхронной вариативности и очевидных изменениях, наблюдаемых в сообществе на протяжении жизни человека.

Р. Янда в статье "Фонологизация как начало дефонетизации: о звуковых изменениях и их последствиях" обращается к ситуации, когда в ходе исторического развития звуковое изменение приобретает дополнительную "нагрузку", помимо чисто фонетической. Это может достигаться прежде всего в результате "фонологизации" правил, либо их "морфологизации". Оба явления могут быть проиллюстрированы на примере немецкого умлаута: исходно чередование /u/ и /o/ с /i/ и /ë/ было обусловлено наличием /i/ или /j/ в последующем слоге; впоследствии оно перестало обуславливаться чисто фонетически и стало грамматически значимым, произошла "морфологизация" умлаута. Важное место в статье Р. Янды отводится полемике с распространенным тезисом о том, что утрата факторов, определяющих аллофоническое варьирование, ведет к расхождению и "фонологизации" бывших аллофонов. По мнению автора, напротив, реинтерпретация дополнительно распределенных аллофонов в качестве самостоятельных фонем происходит прежде утраты контекстов распределения (примерами могут служить как история умлаута в немецком, так и славянская палатализация). В данном случае фонологизация также является частным случаем общего процесса "дефонетизации", т.е. утраты чисто фонетической обусловленности. В целом звуковые изменения достаточно "эфемерны": начинаясь в сугубо фонетических условиях как полностью регулярные и всеобщие (в том смысле, в котором это понимали младограмматики), они очень быстро попадают под действие не фонетических, а иных (фонологических, морфологических, социолингвистических) факторов, так что далее сохранение регулярности происходит уже за счет расширения контекстов употребления.

Две первые статьи четвертой части книги – "Морфологические и лексические изменения" – посвящены явлению аналогии. Р. Анттила характеризует аналогию как "основу основ мышления" (*the warp*

and woof of cognition, таково название его статьи) и рассматривает это понятие главным образом в психологическом и семиотическом аспектах. Аналогия – это "отношение сходства", причем способность к аналогии является врожденной; выявление сходства есть в целом "наиболее важный целостный процесс умственной деятельности". Автор рассматривает взаимоотношения аналогии и теории гештальтов, аналогии и метафоры, аналогии и построения силлогизмов, а также критически оценивает постулаты генеративной грамматики, "отвергнувшей понятие аналогии в начале 1960-х гг.". По мнению Анттилы, аналогия доказывает, что постулат о "модульном устройстве" (modularity) грамматики неверен. В целом языковая структура и использование языка по преимуществу основано на аналогии, которая и является "основой универсальной грамматики". Явление аналогии играет настолько важную роль в человеческом сознании, что людей можно охарактеризовать как "аналогических животных".

Г. Хок в статье "Изменения по аналогии" рассматривает аналогию с собственно лингвистической точки зрения, хотя и для него это явление имеет достаточно всеобщий характер (и "в самом широком понимании тождественно языковому изменению в целом"). В центре очерка находится проблема определения самого понятия "аналогия" и места, которое данное явление занимает по отношению к морфологическим и фонетическим изменениям. Так, хотя в традиционной исторической лингвистике имеется тенденция к отождествлению морфологических изменений с изменениями по аналогии, современные исследования в рамках "естественной морфологии" и "теории грамматикализации" ввели в рассмотрение и другие факторы, влияющие на направление изменений. Что же касается соотношения аналогии и фонетических изменений, то здесь можно говорить о двух подходах; согласно наиболее распространенному и восходящему еще к младограмматикам, существует фундаментальное различие между регулярными фонетическими изменениями и нерегулярными изменениями по аналогии, причем первые исторически предшествуют вторым. Вместе с тем, имеются случаи, когда аналогия, напротив, блокирует или же способствует фонетическому изменению; кроме того, далеко не все фонетические изменения регулярны, тогда как существуют вполне регулярные изменения по аналогии. Это говорит о возможности такой точки зрения, что принципиальной разницы между фонетическими изменениями и аналогией нет, и что фонетические изменения являются лишь ча-

стным случаем изменений по аналогии. По мнению Г. Хока, возможно "примирение" обеих позиций: есть основания считать, что звуковые изменения, различные типы изменений по аналогии и некоторые типы семантических переходов расположены в разных местах единой шкалы, которая является "аналогической" в широком смысле, т.к. речь идет о расширении сферы действия языковых моделей. Различия же в продуктах этих типов изменений проистекают из различий в сфере их применения: так, "звуковые законы" младограмматиков обычно регулярны, т.к. их применимость практически не ограничена нефонетическими условиями; процессы аналогии типа парадигматического выравнивания скорее будут систематичны, т.к. они применимы к большим классам лексических единиц, а явления типа переразложения или народной этимологии имеют достаточно спорадический характер, поскольку применимы лишь к отдельным словам. (В области же семантических изменений наиболее верен тезис о том, что "у каждого слова своя история".)

В небольшой статье В. Дресслера "Естественность и морфологические изменения" рассматривается применимость положений, разрабатываемых в рамках теории "естественной морфологии"³, к диахронической проблематике. Важнейшими признаются универсальные параметры "естественности" (выводимые из семиотических принципов) – это, например, параметр "морфосемантической прозрачности", т.е. композициональности значения (так, смысл словоформы *компьютеры* "складывается" из смыслов лексической основы *компьютер* и показателя множественного числа *-ы*), и параметры "морфотактической прозрачности", т.е. простоты для распознавания (в этом смысле чередования часто нарушают прозрачность, а наиболее непрозрачными являются супплетивные формы). Основными диахроническими предсказаниями в рамках этой модели являются: а) чем более "естественно" морфологическое явление, тем более исторически устойчивым оно будет, и б) для двух морфологических явлений X и Y более вероятно изменение от X к Y, если Y более естествен по некоторому параметру⁴. Сильнее этих

³ См. общую характеристику данного направления в [Плунгян 1998: 350–355].

⁴ Хотя в тексте статьи (на с. 463) говорится, напротив, о большей вероятности изменения X > Y при большей естественности X (!?), в данном случае скорее всего имеет место опечатка.

универсальных принципов могут, однако, оказаться принципы "адекватности языковому типу" (*type-adequacy*), в соответствии с которыми язык может либо не подвергаться изменениям, либо все частные изменения должны вести к полной смене морфологического типа (ср. переход от агглютинативного к флективному строю с уменьшением "прозрачности").

В статье Б. Джозефа "Морфологизация из синтаксиса" речь идет о процессе развития, в ходе которого языковая структура, относящаяся к синтаксису, переходит в область морфологии (другое возможное направление – в морфологию из фонологии – затрагивается в статье Р. Янды в части III, о которой шла речь выше). Морфологизация чаще всего рассматривается в качестве одной из формальных составляющих "многостороннего" процесса грамматикализации (ср. популярную шкалу "знаменательное слово > служебное слово > клитика > аффикс"). Б. Джозеф, однако, настаивает на том, что морфологизация является самостоятельным типом развития, который независим от грамматикализации – так, нет строгой корреляции между положением языковой единицы на упомянутой выше шкале и ее грамматическим статусом (существуют как автономные единицы, выполняющие грамматические функции, так и "пустые" аффиксы, лишенные грамматической нагрузки)⁵. В качестве конкретного примера рассматриваются последовательные стадии развития греческого показателя будущего времени *θα* (восходящего к глаголу *thélō* 'любить'). Формальный статус конструкции с *θα* может быть достаточно четко описан на каждой из синхронных стадий ее развития, а произошедшие изменения вполне укладываются в рамки хорошо известных фонетических процессов, явления аналогии и т.п. Привлекать для описания данного развития понятие "грамматикализации" не представляется нужным, тем более что неясно, на каком именно этапе произошла собственно грамматикализация конструкции, т.е. ее превращение в форму будущего времени. Отсюда можно заключить, что морфологизация является "более реалистичным подходом в пони-

мании изменений в морфологии и синтаксисе, чем грамматикализация". Б. Джозеф отмечает также, что при подобном подходе снимается известная проблема с принципом "однаправленности грамматикализации": морфологизация не является однонаправленной, т.к. существуют примеры развития от связанного аффикса к свободной словоформе; это обстоятельство, в частности, заставляет проявлять особую осторожность при попытках реконструкции, поскольку знаменитый принцип "сегодняшняя морфология это вчерашний синтаксис" оказывается верным далеко не для всех случаев.

В пятой части "Синтаксические изменения" представлены четыре весьма различных подхода к данной проблеме. Д. Лайтфут в статье "Грамматический подход к синтаксическим изменениям" предлагает не изобретать никакой особой "теории изменений", поскольку для их объяснения достаточно имеющихся в (генеративной) лингвистике теории Универсальной грамматики и теории усвоения языка. Языковые изменения являются изменениями в индивидуальных грамматиках и представляют собой смену значений определенных универсальных параметров (*parameter resetting*). Эта смена происходит в результате интерпретации первичных языковых данных при усвоении языка; предполагается, что параметр меняется в том случае, если в поступающих ребенку предложениях обнаруживается недостаточно "условных знаков" или "подсказок" (*cues*), т.е. определенных языковых контекстов, которые ассоциированы именно с определенным значением параметра. Данная идея иллюстрируется на примере утраты так называемого "V-to-I movement" в истории английского языка. Такая модель не дает ответа на вопрос, почему меняется дистрибуция тех или иных "подсказок" – это может объясняться контактом или другими социальными явлениями, но находится уже за рамками теории грамматики. Сама грамматика при таком подходе понимается как "индивидуальная ментальная сущность", а не как "социальная сущность, обобщающая данные текстов, зафиксированных за определенный период". Как указывает автор, идея "скачкообразных" изменений, при котором дети усваивают систему, сильно отличающуюся от системы их родителей, находит поддержку в работах по креолизации, а также по усвоению жестовых языков.

Продолжает и дополняет рассуждения об установке значений параметров статья С. Пинцук "Синтаксические изменения с точки зрения вариативности". Автор настаивает на том, что переустановка осу-

⁵ Другая точка зрения отстаивается в работе [Bybee et al. 1994: ch. 4]: согласно ей, следует говорить о "параллельной редукции" формы и содержания (*parallel reduction hypothesis*) в процессе грамматикализации: сегментная длина и степень автономности грамматического показателя уменьшаются одновременно с тем, как его значение обобщается и становится "все более абстрактным".

происходят не скачкообразно, но скорее на протяжении длительного периода имеет место конкуренция между двумя альтернативными значениями параметра. Новый грамматический признак (например, порядок VO) не просто заменяет старый (например, порядок OV), но усваивается параллельно, так что какое-то время используются обе возможности (что приводит к синтаксической вариативности), и лишь в конце периода конкуренция старый признак утрачивается. Иллюстрацией служит изменение порядка слов в др.-англ. языке, где изначально наблюдалась значительная вариативность в позиции глагола. Предлагаемый подход сочетает формальный синтаксический анализ с количественной методологией на основе анализа употреблений по корпусу текстов. Увеличение частот различных типов конструкций во времени позволяет выбрать более адекватный из двух возможных анализов изменения порядка слов. При этом большую роль играет так называемый "эффект постоянства скорости" (constant rate effect): кривая изменения частотности должна быть одинаковой для всех синтаксических контекстов, представляющих определенное языковое явление (в случае разбираемого автором примера – для порядка слов и в главном, и в зависимом предложении).

Во многом противоположен по направленности в сравнении с первыми двумя статьями раздел Э. Харрис "Синтаксические изменения в типологической перспективе". Автор изначально отказывается от подхода, идущего "от теории" (и утверждающего, что не существует ограничений на изменения помимо тех, которые накладываются теорией Универсальной грамматики), и выступает за поиск индуктивных обобщений о путях синтаксического развития на основе межязыковых данных. Одним из основных механизмов синтаксических изменений в рамках подхода, наиболее подробно представленного в книге [Harris, Campbell 1995], признается так называемая "синтаксическая реинтерпретация" (reanalysis), т.е. изменение глубинной структуры синтаксической модели без модификации ее поверхностного облика. В качестве иллюстрации разбираются несколько случаев эволюции биклаузных конструкций в моноклаузные: конструкции с матричным глаголом 'хотеть' в конструкцию с неизменяемым служебным словом 'должен, нужно' в грузинском и агульском языках, а также посессивную конструкцию с глаголом 'иметь' в форму перфекта во французском и немецком языках. По мнению автора, уже за реинтерпретацией следуют (а не предшествуют ей!) различные поверхностные

изменения – например, в конструкции становится возможен только один субъект, управление определяется смысловым глаголом (а не бывшим матричным глаголом 'хотеть' или 'иметь'), – тем самым, бывший главный глагол становится вспомогательным. В целом, рассмотрение сходных типов синтаксических изменений в различных языках позволяет установить универсалии таких изменений – сначала в виде гипотез, которые затем проверяются на более широком языковом материале.

В статье М. Митун "Синтаксические изменения в функциональной перспективе" подчеркивается важность роли функциональных объяснений диахронических процессов. Функционализм исходит из положения о том, что языковые структуры определяются использованием языка и формируются в результате действия ряда физиологических, когнитивных и "контекстуальных" факторов (к последним относятся такие экстралингвистические параметры, как коммуникативные цели, языковые контакты и пр.). На примере языков Северной Америки – главным образом эскимосско-алеутских и ирокезских – рассматривается несколько типов функционально обусловленных синтаксических изменений. Так, в результате "рутинизации", т.е. часто повторяющегося использования, происходит грамматикализация союза 'и' как показателя односубъектности; номинализованная форма глагола постепенно, в несколько шагов (а не в результате моментальной структурной реинтерпретации) становится вершиной обстоятельного зависимого предложения; специальные средства сочинения за короткий промежуток времени возникают в языке благодаря контактам, а также при развитии письменной нормы и т.п. Все это указывает на то, что говорящие постепенно "реорганизуют свои грамматические системы с целью увеличения выразительных средств коммуникации". Заметим, что хотя подход автора в явном виде противоположен подходу, базирующемуся исключительно на "внутритеоретических" объяснениях в терминах врожденных принципов Универсальной грамматики (ср. статьи Д. Лайфута и С. Пиндук), они не полностью совпадают и с типологически-ориентированной концепцией Э. Харрис. В частности, М. Митун указывает на то, что "частое использование показателя приводит к эрозии формы, а в конечном итоге к функциональной и структурной реинтерпретации", тогда как Э. Харрис настаивает на том, что именно реинтерпретация делает возможными последующие поверхностные изменения языковой структуры, но не наоборот.

Шестая часть сборника, "Прагматико-семантические изменения", посвящена преимущественно явлению грамматикализации; семантические изменения в лексике остались в основном за пределами данной книги. Первая из статей, "Грамматикализация", написана Б. Хайне, одним из наиболее выдающихся представителей данного направления. Грамматикализация – это "процесс возникновения и развития грамматических форм во времени и пространстве"; так называемая "теория грамматикализации" обладает как определенным объяснительным, так и предсказательным потенциалом (хотя большинство ее предсказаний носят не абсолютный, а вероятностный характер). Б. Хайне характеризует основные подходы к исследованию грамматикализации, наиболее полно изложенные в монографиях [Heine et al. 1991; Hopper, Traugott 1993]; в статье также обсуждается критика данного направления, основные пункты которой сводятся к тому, что знаменитый "принцип однонаправленности (unidirectionality)" грамматикализации не является абсолютным и что грамматикализация в целом представляет собой не самостоятельное явление, а своего рода эпифеномен, "побочный эффект", возникающий в результате действия нескольких независимых процессов. По мнению Б. Хайне, грамматикализация есть "прежде всего семантический процесс", в основе которого лежит свойство человека использовать языковые формы с конкретным и "легко доступным" значением для выражения менее конкретных и менее "легко доступных" понятий (ср. превращение глаголов желания в показатели будущего времени или существительного 'спина' в пространственный маркер 'сади'). Прочие механизмы грамматикализации – категоризация, расширение контекстов употребления, фонетическая редукция – являются уже следствием подобных концептуальных переносов. Исследования в области грамматикализации вносят свой вклад в сравнительно-историческое языкознание, прежде всего в области семантических изменений и реконструкции морфологических и синтаксических моделей. Наиболее значительным на сегодняшний день собранием засвидетельствованных в языках мира путей грамматикализации является сборник [Heine, Kuteva 2002]⁶.

Обсуждение характеристик грамматикализации продолжается в статье Дж. Байби "Механизмы изменения в ходе грамматикализации: роль час-

тотности"⁷. Увеличение частотности является одним из важнейших эффектов, способствующих грамматикализации; при этом можно говорить о частотности двух типов – это частота встречаемости языковой единицы, т.е. слова или морфемы, в тексте (token frequency) и количество лексических единиц, с которыми сочетается определенная грамматическая модель – например, конструкция или аффикс (type frequency). Основным примером, на котором в статье демонстрируется увеличение разных типов частотности, является эволюция др.-англ. глагола *cinnan* 'знать' в модальный глагол *can* 'мочь' в ходе грамматикализации конструкции "*can* + инфинитив" возросла как его сочетаемость с разными типами глаголов (упрощенно говоря, от глаголов ментальной деятельности к глаголам физической деятельности) и субъектов (от одушевленных к неодушевленным), так и общая текстовая частота. По мнению Дж. Байби, именно частотность использования приводит к определенному "семантическому обесцвечиванию" (bleaching) грамматизируемой единицы и утрате исходного значения, а на формальном уровне – к фонетической редукции и стяжению составляющих конструкции. В результате грамматикализации конструкция приобретает большую автономность и может полностью утратить связь с исходной лексемой (ср. глагол *go* 'идти' и показатель будущего времени *gonna*). Наконец, именно у высокочастотных форм наблюдается сохранение прежней "консервативной" структуры, несмотря на появление новых продуктивных моделей (ср. использование инфинитива без *to* или постпозитивное отрицание *not* при модальных глаголах). Таким образом, можно сказать, что увеличение частотности имеет эффект редукции в "режиме реального времени", но при этом консервирующий эффект в "режиме хранения".

Э.К. Траугот в статье "Конструкции в процессе грамматикализации" обращает внимание на тот факт, что лексемы, как правило, подвергаются грамматикализации не сами по себе, а "лишь в определенных и специфических морфосинтаксических контекстах и при определенных прагматических условиях" – иначе говоря, грамматикализуются в действительности не лексемы, а конструкции. Автор рассматривает существующие подходы к объяснению структурных и семантико-прагматических свойств граммати-

⁶ См. более подробно нашу рецензию на него [Майсак 2003].

⁷ См. также недавний сборник статей [Bybee, Hopper (eds.) 2001], посвященный данной проблеме.

кализации, в том числе в виде получивших широкую известность шкал типа "дискурс > синтаксис > морфология > морфонология > нуль" (Т. Гивон) или "пропозициональное > дискурсивное > экспрессивное значение" (Э.К. Траугот). По мнению автора, при обращении внимания на морфосинтаксический и прагматический контекст грамматикализации в рамках данного подхода может быть охарактеризовано гораздо большее число языковых явлений, в том числе развитие так называемых "дискурсивных слов" (хотя они, на первый взгляд, и не относятся к области грамматического). В качестве иллюстрации рассматривается эволюция английских служебных и дискурсивных слов *instead of* (ср. аналогичное русское *вместо* + род п.), *indeed* и *anyway*. Независимо от того, является ли результат развития грамматическим показателем или нет, в ходе этого развития исходные конструкции проходят через следующие этапы: семантическое изменение, декатегоризация (например, исходных существительных *stede* 'место' и *deed* 'действие'), реинтерпретация (например, предложных групп *in stede* и *in deed* в нечленимые словоформы) и расширение синтаксической сферы действия. Тем самым, "считать развитие дискурсивных маркеров примером какого-либо другого процесса, нежели грамматикализация, значило бы затемнить его сходство с каноническими шкалами"⁸. Завершает статью следующее определение грамматикализации: "процесс, в ходе которого лексический материал в высоко ограниченных прагматических и морфосинтаксических контекстах приобретает грамматическую функцию, а затем происходит развитие у него функций в большей степени грамматических и свойственных операторам (*operator-like*)".

Б. Фортсон в статье 'Подход к семантическим изменениям' критически рассматривает ряд распространенных утверждений, которые, по его мнению, затемняют природу семантического развития. В частности, следует учитывать неоднозначность самого понятия "языковое изменение" – под ним может пониматься как собственно реинтерпретация значения некоторой языковой единицы индивидуумом, так и распространение инновации в языковом сообществе

(происходящее в соответствии с социолингвистическими законами; ср. также статью М. Хейла в части III и др.). Грамматикализация не является особым типом изменения, а представляет собой реинтерпретацию (например, глагола 'приходить' в качестве предлога 'к') и в этом смысле не представляет собой "градуальный процесс", происходя одновременно в индивидуальной грамматике говорящего. По мнению автора, такое свойство грамматикализации, как односторонность (например, переход "знаменательное слово > аффикс" или "объективное значение > оценочное значение"), является эпифеноменальным, а не независимым свойством данного явления: контексты, в которых могло бы произойти обратное развитие, редки или не существуют, что объясняется более элементарными принципами⁹. Наконец, не является определяющим параметром для семантического изменения частотность языковой единицы: подвергаться переосмыслению (в том числе грамматикализации) могут как высокочастотные, так и очень редкие слова.

Заключительный, седьмой раздел книги – "Объяснение языковых изменений" – содержит статьи, в которых рассматриваются гипотезы о причинах изменений, связанных с особенностями мышления, восприятия речи и социальных условий функционирования языка. В статье "Фонетика и историческая фонология" Д. Охала обсуждает взаимосвязь между синхронной вариативностью фонологических единиц и их историческим изменением (здесь имеются очевидные переклички со статьями М. Хейла и Г. Гая в третьей части, обсуждавшимися выше). Синхронная вариативность имеет значительное сходство с диахроническим развитием и, как можно предположить, засвидетельствованные звуковые изменения образуют лишь подмножество того, что встречается в виде вариаций на синхронном уровне. Существует два типа вариативности – в порождении речи и в ее восприятии, при этом хотя вариативность первого рода создает неоднозначность для восприятия речи, сама по себе она не приводит к изменению, поскольку благодаря контексту

⁸ Данный подход, как можно видеть, противоположен позиции Б. Джозефа: если он предлагает не прибегать к понятию "грамматикализация", описывая все в терминах морфологизации, то Э. Траугот, напротив, стремится расширить круг явлений, подпадающих под процесс грамматикализации.

⁹ Аргументация Б. Фортсона и его вывод об "эпифеноменальном" характере грамматикализации близки к аналогичным рассуждениям Ф. Ньюмейера в книге, посвященной противопоставлению формального и функционального направлений в современной лингвистике [Newmeyer 1998]. Критике "теории грамматикализации" посвящен также сборник [Campbell 2001].

слушающему почти всегда удается верно распознать сигнал (в противном случае звуковые изменения протекали бы с огромной скоростью). Реальные же изменения представляют собой как бы "неверно распознанные" вследствие перцептивной неоднозначности сигналы – таким образом, именно слушающему принадлежит ведущая роль в том, что фонетические изменения вообще имеют место. Слушающий постоянно производит "коррекцию" поступающего речевого потока, стремясь распознать сигнал говорящего; неверная коррекция может быть двух видов и соответственно приводит к двум типам изменений: "недостаточная коррекция" приводит к изменениями ассимилятивного типа, когда чисто фонетической окраске придается независимый от контекста статус (ср. фонологизацию носовых гласных или сингармонизм), "излишняя коррекция" приводит к диссимилиции, когда слушающий принимает некоторый фонетический признак за контекстный и "отменяет" его. Разница в природе ошибки позволяет объяснить многие другие свойства звуковых изменений, которые подробно рассматривает автор. Вывод, который делает Дж. Охала, состоит в том, что звуковые изменения на своей начальной стадии не телеологичны, они не служат никакой "цели" и никак не "улучшают" грамматику; они представляют собой результат ненамеренной ошибки слушающего и не вызваны "грамматической системой" (т.е. ментальным представлением языка в сознании). В этом смысле вероятность определенных ошибок, т.е. изменений, существует в любое время в любом языке; дальнейшая же судьба изменения (его распространение) регулируется уже психологическими и социальными факторами.

С.Г. Томасон в статье "Контакт как источник языковых изменений" отмечает то обстоятельство, что большая часть из того, что историческая лингвистика изучает под рубрикой "языковые изменения", появляется в результате контакта. Контактное изменение при этом определяется как такое, которое было бы маловероятным в отсутствие ситуации контакта. Сами типы языковой интерференции можно классифицировать по разным основаниям: их результат в языковой структуре (появление, исчезновение или замена признака), наличие процесса прямого заимствования vs. изменению в результате неполного овладения языком и пр. Основное место в статье уделено семи механизмам интерференции: это переключение/смещение кода (использование в речи на одном языке элементов другого), смена кода (использование двух языков в разных

социальных условиях), пассивное знакомство с другим языком, ситуация "переговоров" (т.е. использование в своем языке структур другого с целью облегчения коммуникации), перенос признаков в результате усвоения второго языка, смешение в результате одновременного усвоения двух языков, намеренное изменение. Описание каждого механизма сопровождается примерами и критическим обсуждением. Рассматривается также проблема "утраты языка", являющейся контактным изменением по определению, а также возникновение контактных языков (причем не только пиджинов и креолов, но и "смешанных" языков типа языка медновских алеутов). Вывод автора в связи с объяснительной и предсказательной проблематикой достаточно пессимистичен: в области контактных изменений возможно практически все, нет строгих ограничений на то, что именно и как может измениться в контактной ситуации. В целом, "признание именно контакта причиной языковых изменений возможно при благоприятных условиях, но невозможно при менее благоприятных", однако здесь ситуация не отличается и от других направлений диахронических исследований.

Статья У. Вулфрама и Н. Шиллинг-Этес "Диалектология и языковая диффузия" посвящена механизмам возникновения диалектной вариативности. Поскольку "древесная модель", по мнению авторов, справедливо оставлена в исторической лингвистике как неадекватная, наибольшее внимание в последние десятилетия уделялось так называемой "волновой модели", согласно которой инновации возникают в определенной центральной зоне и распространяются от нее "концентрическими кругами" к периферии. Однако и это представление о диффузии не было принято как достаточно убедительное, в результате чего была предложена "иерархическая модель", или "модель притяжения" (gravity model): она предусматривает, что распространение инноваций является функцией не только от расстояния, но и от плотности населения (ср. вычисление силы притяжения в зависимости от расстояния и массы тела в физике). Изменения обычно возникают в крупных, многонаселенных городах и прежде всего передаются в более мелкие города и уже в последнюю очередь затрагивают сельскую местность. Существуют, однако, и другие факторы, способные стать "барьерами" или же "усилителями" для инновации. Так, распространение инновации тем скорее, чем более близки диалекты в лингвистическом отношении. Играть роль и социально-демографические характеристики района, прежде всего возрастные группы, социальные клас-

сы, пол. Эти факторы учитывает так называемую "модель социальной сети", согласно которой первыми воспринимают инновации те люди, которые имеют слабые связи со многими группами (напротив, сильные связи с какой-либо одной группой скорее предотвращают изменения). Однако существуют и контр-примеры к "иерархической модели": если некоторые языковые явления осознаются носителями как социально или исторически значимые, распространение инновации может пойти и в обратном направлении, "от села к городу". В целом, исследование диалектной вариативности предусматривает многосторонний подход, в котором должны найтись место и географическим, и социальным, и лингвистическим параметрам.

В заключающей сборник статье Дж. Эйтчисон "Языковые изменения в психолингвистической перспективе" обсуждаются когнитивные (в отличие от социальных или собственно языковых) причины изменений. Автор приводит краткий обзор литературы по двум основным темам, обсуждавшимся в связи с "психолингвистической" составляющей в эволюции языка: это усвоение языка детьми и порождение речи (speech processing). По мнению Дж. Эйтчисон, неверен популярный тезис о том, что изменения происходят при смене поколений, в том числе в результате "несовершенного усвоения" или же "оптимизации" грамматики детьми. Скорее следует говорить о том, что изменения инициируются не детьми младенческого возраста, а подростками, причем в результате группового взаимодействия (эта позиция согласуется и с данными, приводимыми в статье Г. Гая). Что же касается второго направления, то в последние десятилетия появился ряд работ, объясняющий свойства грамматической системы особенностями порождения и восприятия речи (ср. исследования Дж. Хокинса по порядку слов в связи с "принципом раннего распознавания"¹⁰). Подобные работы чрезвычайно важны и для исторической проблематики, и трудно не согласиться с мнением автора статьи о том, что "объединение всех существующих направлений исследований является многообещающей задачей будущего".

Книгу завершает внушительная библиография на 100 страницах, которая включает более двух тыс. ссылок на литературу.

Как можно заметить по предшествующему изложению, в рецензируемом сборнике выделяется ряд ключевых вопросов, к которым

так или иначе обращаются авторы всех статей: это прежде всего роль лингвистической теории при изучении истории языка, соотношение внешних и внутриязыковых причин языковых изменений, роль детей и усвоения языка в диахронических процессах, а также само понимание изменения – как любой, пусть даже единичной, инновации vs. как получившего значительное распространение в социуме нового явления, а также как одномоментного, скачкообразного события vs. как градуального, постепенного процесса. Интересны также рассуждения о направленности исторических изменений в разных областях грамматики: как становится ясно, статус "принципа односторонности" обсуждается и на материале звуковых, и морфологических, и семантических изменений. При этом удается показать, что существуют определенные внеязыковые факторы (связанные с особенностями восприятия речи либо особенностями мышления человека), которые способствуют именно одностороннему протеканию ряда процессов; вместе с тем, ни в какой из областей этот принцип не выдерживается абсолютно. Поэтому хотя с методологической точки зрения "принцип односторонности" не является слишком сильным (что мешает, например, опираться на него при реконструкции), он представляется очень важным для понимания диахронических процессов.

В целом, несомненной заслугой сборника можно признать его теоретическую "нагруженность", направленность статей на объяснительные и предсказательные составляющие исторической лингвистики, а не только на практические вопросы реконструкции. Хотя цель книги скорее состоит в том, чтобы суммировать уже известные (но разбросанные по сотням публикаций) результаты, а не предложить принципиально новые концепции, она дает возможность и самим специалистам по диахронии познакомиться с многообразием существующих подходов. Точки зрения компаративистов и типологов, функционалистов и сторонников различных формальных школ зачастую диаметрально противоположны, однако все они так или иначе вносят свой вклад в наше понимание природы языковых изменений.

Наконец, мы полностью разделяем мнение редакторов книги о том, что широкая панорама представленных в сборнике точек зрения, равно как и общий бурный рост публикаций по исторической проблематике в последние годы, свидетельствуют, что "данная область переживает подлинное возрождение после периода невежества и маргинализации в рамках науки о языке, которые ощущались в послед-

¹⁰ См. обсуждение теории Дж. Хокинса в [Тестелец 2001: 700–715].

ние годы". Что же касается самой серии "Руководства по лингвистике" издательства Blackwell Publishers, то она, на наш взгляд, является одним из наиболее удачных издательских проектов такого рода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Майсак 2003 – Т.А. Майсак. Рец.: В. Heine, Т. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002 // ВЯ. 2003. № 4.
- Плунгян 1998 – В.А. Плунгян. Проблемы грамматического значения в современных морфологических теориях: обзор // Семантика и информатика. Вып. 36. М., 1998.
- Старостин 1989 – С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989.
- Старостин 1999 – С.А. Старостин. О доказательстве языкового родства // Е.В. Рахилина, Я.Г. Тестелец (ред.) Типология и теория языка: от описания к объяснению. Сборник статей к 60-летию А.Е. Кибрика. М., 1999.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Bybee, Hopper 2001 – J.L. Bybee, P.J. Hopper (eds.) Frequency and the emergence of language structure. Amsterdam, 2001.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Campbell 2001 – L. Campbell (ed.) Grammaticalization: A critical assessment // Language sciences, 23. № 2–3. 2001.
- Harris, Campbell 1995 – A.C. Harris, L. Campbell. Historical syntax in cross-linguistic perspective. Cambridge, 1995.
- Heine et al. 1991 – B. Heine, U. Claudi, F. Hünnemeyer. Grammaticalization: a conceptual framework. Chicago, 1991.
- Heine, Kuteva 2002 – B. Heine, T. Kuteva. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Hopper, Traugott 1993 – P.J. Hopper, E.C. Traugott. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Newmeyer 1998 – F. Newmeyer. Language form and language function. Cambridge (Mass.), 1998.
- Renfrew et al. 2000 – C. Renfrew, A. McMahon, L. Trask (eds.) Time depth in historical linguistics. V. 1–2. Cambridge, 2000.

Т.А. Майсак